



SOPHIE ASTRABIE

Billie Pretty a disparu



Flammarion

Софи Астраби

Кто ты, Билли Притти?

Роман

Перевод с французского



BELLES LETTRES

Москва, 2024

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44
А91

Переводчик Нина Хотинская
Редактор ВАЛЕРИЯ ФРИДМАН

Астраби С.

А91 Кто ты, Билли Притти? : [роман] / Софи Астраби ; Пер. с фр. – М. : Альпина Паблишер, 2024. – 260 с.

ISBN 978-5-9614-95-43-0

Свое необычное имя Билли Летелье получила в честь певицы, у которой, согласно семейной легенде, был самый красивый голос в мире. С детства она пытается понять, что общего у нее с таинственной Билли Притти. Возможно, любовь к музыке? Ведь ничто так не трогает ее сердце, как пение садовника в городском парке, звуки пианино из квартиры этажом ниже и любимые песни в наушниках.

В один из летних дней, похожих один на другой, Билли встречает на лестнице Максима. С тех пор их жизненные пути постоянно пересекаются, даже когда они живут на разных континентах. Но отличить любовь от дружбы и не потерять себя в другом оказывается непросто.

Это пронзительная история о девушке, которая должна узнать тайну своего имени и разобраться в прошлом, чтобы обрести свой уникальный голос и начать жить по собственному сценарию.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в интернете и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу mylib@alpina.ru.

“Dis, quand reviendras-tu?”

Слова и музыка Barbara.

© Éditions Beuscher-Arpège/
Éditions Musicales François Llenas, 1964

© Flammarion, 2023

© Издание на русском языке,
перевод, оформление.

ООО «Альпина Паблишер», 2024

ISBN 978-5-9614-95-43-0 (рус.)
ISBN 978-2-0804-2457-0 (фр.)

Моей необычно появившейся на свет Сюзанне

Глава 1

1998

Мне 7 лет. Я иду по бордюру, как по канату, руки раскинуты в стороны, словно крылья самолета. Ножка за ножкой, смотреть пытаюсь только вдаль, так советовал мне Марсель, вперед и вдаль, и главное, главное, не смотреть на свои ноги. С каждым днем идти все легче. В начале каникул удавалось сделать не больше трех шагов. Сегодня я могу несколько раз обойти квадратный дворик кривобокого серого дома, в котором живу. Я поклялась себе, что до конца лета сделаю это с закрытыми глазами.

Нога соскальзывает с бордюра всего через несколько сантиметров после моего предыдущего рекорда. Я достаю из кармана голубой мелок и чиркаю по камню: это новая метка. Закидываю лямку рюкзака на плечо, поправляю шлем на длинных темных волосах и выезжаю со двора на скейте.

Солнце стоит уже высоко в небе и ласково пригревает мне руки. Начался август, и город опустел. В некоторых магазинах даже опустили тяжелые железные шторы,

прикрепив к ним и оставив дрожать листки бумаги. Все разъехались. Все, кроме меня. Я бы тоже хотела на море, ясное дело, но мне нравится, что город только мой. В парке животные вылезают из укрытий, чаще всех — белки, ведь съестного у них поубавилось. Поэтому вечером, за ужином, я сую в карман кусок хлеба. Незаметно, украдкой, потому что дедушка не выносит расточительства. Он пережил войну, а в войну, говорят, всегда хочется есть.

Я добираюсь до своей любимой скамейки в тени большого дуба. Люблю его мощные ветви. Ничто не может так успокоить, как дерево, и, наверно, поэтому мне так нравится Марсель. Он похож на старый ствол.

Как и в другие дни, я пытаюсь обхватить ствол дуба руками. Обнимаю шершавую кору, она хорошо пахнет, как старый деревянный стол в кухне. Я думаю о том, что в тот день, когда смогу его обнять, я буду достаточно большой, чтобы уехать отсюда.

* * *

Но пока я здесь, в парке. Достаю краюшку хлеба из кармана шорт и бросаю несколько кусочков перед собой. Два голубя осторожно приближаются к крошкам. Я поглядываю на них, но толком не смотрю. Я жду.

И вдруг — он идет. На нем каскетка и зеленый комбинезон, перед собой он толкает тачку с цветочными горшками.

— Привет! — говорю я, подходя к нему.

— Хей, Притти Билли! — отвечает Эрнест своим низким баском.

Каждый раз радостная дрожь пробегает у меня по спине. Меня зовут Билли, в честь той американской певицы, у которой был самый красивый голос в мире. Билли Притти. Марсель рассказывал мне эту историю, когда я была маленькой и не могла уснуть. Именно так я объяснила происхождение своего имени Эрнесту в нашу первую встречу, в начале лета.

— Что ты сегодня сажаешь?

— Ирисы, — отвечает он. — Поможешь мне?

— Хорошо.

Цветы я не особо люблю, но мне очень нравится Эрнест. Он расцвечивает красками землю, а еще больше — мое сердце. Не знаю, как это может быть, но, стоит ему открыть рот, из него вырывается радуга. Низкие ноты, высокие ноты, а между ними перемешано множество тесситур. Я закрываю глаза и вижу, как сплетаются и расплетаются разноцветные узлы. Эрнест поет один, но я представляю себе, будто из него льются голоса всех его предков. И эта мысль успокаивает меня.

Я остаюсь с ним, пока он не уходит на обед. Тогда, вскочив на скейт, я принимаюсь петь песни, которые только что услышала. Дома нет ни радио, ни телевизора и уж тем более компьютера. Раньше в кухне потрескивал маленький приемник, но он отдал богу душу прошлой зимой. А замены ему так и не нашлось.

К счастью, соседка снизу играет на пианино каждый вечер по часу. Я этого не пропущу ни за что на свете. Прижимаю ухо к полу и слушаю поднимающуюся ко мне мелодию. С первых же нот у меня сердце набухает в груди. Оно становится таким большим, что я чувствую его в горле. Наверно, оно надавливает на что-то, на какое-то озерцо, потому что всегда именно в этот момент из моих глаз вытекает слезинка и катится по щеке. Музыка — единственное, от чего я могу заплакать.

* * *

Марсель не особо разговорчив, но всегда меня слушает, когда мне есть что рассказать. Он высказывает свое мнение и никогда не раздражается, разве только когда кто-нибудь не закроев кран. Вот это действительно выводит его из себя — текущая вода. Проходя мимо любой струи, он бормочет себе в бороду:

— Посадили бы лучше деревья.

Марсель ненавидит бассейны, аквариумы и автоматические оросители. Воду он любит в море, в туче или на худой конец в пруду. Но остальное — нет.

А вот что он любит, что он действительно любит, так это скидки. Когда в городе открывается новый магазин, он берет меня под руку и мы мчимся на полной скорости припарковывать его старенький красный «ситроен» на стоянке торговой зоны. Марсель так торопится, что обычно мы приезжаем слишком рано.

Когда раздвигаются автоматические двери, Марсель непременно хочет пройти первым. Если бы существовали Олимпийские игры по потреблению, он точно получил бы золотую медаль!

На обратном пути он говорит о своих покупках и всегда называет цену каждой вещи. Ему мало сказать, что он купил три пары носков. Нет-нет. Марсель покупает три пары носков за 25 франков. Когда он называет цену, вид у него всегда довольный. Но только в этот момент. В конце месяца он утверждает, что покупки всегда обходятся дорого.

Сегодня утром на стоянке нового магазина сети GiFi солнце ласкает мне лицо. Мои глаза закрыты, стекло опущено, и я слушаю музыку, льющуюся из громкоговорителя на стоянке. Какой голос, такого красивого голоса я никогда не слышала.

— Кто поет эту песню, Марсель?

— А, это... это Билли Притти!

Я вся подобралась. Впервые я слышу эту певицу. Я искала ее записи везде, но так ничего и не нашла. Никакой Билли Притти в музыкальных магазинах, никакой Билли Притти в компьютере школьного информационного центра, никакой Билли Притти на стеллажах супермаркета. Я уже тысячу раз умоляла Марселя сделать что-нибудь, помочь мне, но он каждый раз только тычет пальцем мне в сердце:

— Билли Притти — здесь!

Ничто не злит меня сильнее, чем этот ответ. Мне хочется потрясти его как грушу, накричать на него, сказать, что мне уже не пять лет. Хуже того, мне хочется привязать его к стулу, пустить воду из всех на свете кранов и заставить его на них смотреть. Но каждый раз я ничего не говорю, потому что он старый, а у меня никого нет, кроме него, и я не хочу, чтобы меня бросили во второй раз.

— Марсель, расскажи мне историю Билли Притти! — настаиваю я.

— Опять! Я же тебе рассказывал на прошлой неделе! — ворчит он.

— Ну же...

— Ладно, ладно, расскажу! Билли Притти была величайшей певицей, какую только знал мир. Она была маленькая и пухленькая, с большими черными глазами, а губки у нее были такие, как мой «ситроен» в ту пору, когда он еще был ярко-красным. Когда она пела, никто не мог грустить. Она была пластырем в форме радуги, первыми июньскими вишнями, решением всех на свете уравнений. Говорят, сам президент приглашал ее, чтобы облегчить переговоры и избежать войн.

Я жадно слушаю. Историю я знаю наизусть, но он всегда ухитряется добавить к своему рассказу новые подробности.

— Однажды наше старенькое радио звучало на всю квартиру. Песни сменяли друг друга, Одетта

разгадывала кроссворд, я чистил картошку, а твоя мать читала книгу, лежа на кухонном полу. Вот радио заиграло новую песню, и вдруг Одетта вскочила, схватила меня за руку и закружила в танце. Я кружился, кружился, кружился вокруг Одетты, она была моим солнцем, ты же знаешь, а твоя мама смотрела на нас как на чокнутых. Когда музыка кончилась, твоя мама спросила меня: «Это такая профессия — заставлять людей кружиться в танце, папа?» И я подтвердил: «Да, профессия! Это Билли Притти». На следующей неделе в школе ей задали сочинение на тему «Кем вы хотите стать, когда вырастете?». Она написала: «Когда я вырасту, я хочу стать билиприти».

Я смеюсь, как всегда, когда Марсель рассказывает мне эту историю.

— Когда твоя мама узнала, что Билли Притти, даже слитно, — это не совсем профессия, она сказала мне, что, если у нее будет ребенок, она назовет его Билли.

Обычно после этой части истории мы больше ничего не говорим друг другу. Смотрим в разные стороны и ждем, когда что-нибудь произойдет. В этот раз начинают звонить часы Марселя, и он подскакивает на своем сиденье. 9:58. Он всегда ставит будильник на две минуты раньше открытия магазина, чтобы уж точно ничего не пропустить.

— Скорее! Пора!

Он пулей вылетает из машины и бежит к дверям гипермаркета, как будто хочет первым ступить

на девственный пол этого громадного пространства. Марсель снова самый счастливый человек на свете.

* * *

На кухонном столе красуется глобус. Когда мой взгляд останавливается на нем, Марсель тут же говорит: «Девяносто девять франков вместо ста сорока девяти». Я не отвечаю. Сажусь перед чашкой Nesquik и вращаю земной шар быстро-быстро, время от времени останавливая кончиками пальцев. Китай, Мозамбик, Перу, Финляндия.

Я спешу покончить с завтраком, хватаю скейт и рюкзак и сбегаю во двор: надо попытаться побить мой летний мировой рекорд. Потом я пойду в парк. Потом съем сэндвич у железнодорожных путей, глядя на проходящие поезда. Потом пойду почитаю книгу в муниципальной библиотеке. Потом буду бросать камешки, пытаясь сбить консервные банки с ограды. Потом послушаю, как соседка играет на пианино. Потом поужинаю с Марселем. Потом пойду спать. А потом все начнется снова. И я думаю: «Однообразная жизнь — это жизнь, которую достаточно рассказать один раз».

Интересно, а в других странах мира маленькие девочки тоже носят имя величайшей певицы всех времен? Мне кажется, что я одна такая, единственная, везучая. Мне кажется, что где-то впереди меня ждет грандиозная жизнь, и одна эта мысль, ну, почти, держит меня на плаву.

Глава 2

1999

Моя комната не больше чуланчика. Я расту, и мне кажется, что она сужается. Раньше было три шага между стеной и дверью. Теперь только два. У меня есть большие мечты, но чаще всего они разбиваются о стены моей комнаты. Когда я об этом думаю, огненный шар начинает расти у меня в животе, этот огненный шар сжигает все на своем пути и, наверно, никогда не погаснет.

На первом этаже дома живут муж и жена, Эмманюэль и Тьерри Жирар, которые целыми днями ругаются под телевизор. Летом они открывают окна, и шум из их квартиры отражается от стен домов напротив. Они смотрят передачу, где публика все время аплодирует. Иногда, когда слышу аплодисменты, я беру расческу вместо микрофона и представляю себе, что это хлопают мне.

На втором этаже живет одинокий мужчина, которого мы практически не видим. Когда он приходит домой около пяти часов вечера, лицо у него грязное и руки в саже.

На третьем женщина, которая всегда носит лаковые лодочки на шпильках и темно-синий костюм. Я долго думала, что она стюардесса. Позже я узнала, что на самом деле она работает на ресепшене двухзвездочного отеля в конце улицы.

На четвертом та самая соседка, которая играет на пианино и подбирает всех кошек в округе. Мне кажется, ей лет тысяча. На самом деле не больше сорока. Марсель утверждает, что ей нельзя доверять и что не стоит слушать все, что она говорит.

На последнем этаже студент с бледным лицом, он живет ночью, но иногда выходит, шатаясь, и в дневные часы.

На пятом — мы с Марселем.

В школе я иногда разговариваю с Жюльеном и немножко с Лори. В буфете ставлю свой поднос на краешек стола рядом с одноклассниками, которые едва поднимают головы и продолжают разговор. Они пытались проникнуть в тайну девочки, которая живет одна с пожилым месье. Пытались понять, что может крыться за словами, которых я не произношу. Пытались — а потом перестали пытаться.

На отрывном календаре в кухне дата как будто мигает: 7 августа. Это мой день рождения. Интересно, вспомнит ли Марсель. С возрастом он все больше путается в датах. Я уйду из квартиры еще раньше обычного, чтобы не пересечься с ним и дать ему время вспомнить, что сегодня особенный день.

Как обычно, я спускаюсь по лестнице бегом, считая ступеньки. Но на девятой чуть не натыкаюсь на нечто странное. Ни круглое, ни овальное. У этого нечто очертания мальчика.

* * *

Я собираю куски хлеба и пустые консервные банки, которые вывалились на лестницу, когда я пыталась не врезаться в мальчика и уронила рюкзак.

— Люди редко сидят на ступеньках в этом доме, — говорю я.

— Хотел подышать воздухом.

Я поднимаю бровь:

— Воздуха больше на улице.

— Меня зовут Максим.

— Понятно.

Я собираюсь продолжить свой путь, когда он спрашивает:

— А тебя?

— Билли.

— Ты куда?

Я медлю с ответом. Не люблю говорить, куда иду, ведь потом меня смогут найти.

— В парк.

— Можно с тобой?

Мне хочется ответить «нет», но это не так просто. Что-то внутри меня мешает мне говорить то, что

я на самом деле думаю, и я не говорю, чтобы никого не обидеть. Секунду я пристально смотрю на него. Темные волосы торчат во все стороны, глаза не отрываются от моих, футболка в полоску и кроссовки такие, будто обошли весь мир.

— Я приехал на каникулы к тете, — добавляет он.

— К даме, которая играет на пианино?

— Да. И варит литры супа.

— Мне нравится пианино.

Я снова бросаюсь вниз по лестнице. Через три ступеньки оборачиваюсь.

— Ну что, ты идешь?

* * *

Я вскакиваю на скейт, Максим идет рядом. Я немного замедляюсь, но не слишком. В конце концов, это он захотел пойти со мной. Мальчик ничего не говорит, поначалу это меня устраивает, но потом начинает раздражать. Вдвоем молчать труднее.

— А можно мне? — отвлекает меня от моих мыслей Максим.

— Что?

— Покататься на твоём скейте.

— А...

Я подкатываю скейт к нему. Максим ставит ногу на доску, и та сразу уезжает в сторону. Я медленно иду

за ней к дереву, на которое она наткнулась, и снова ставлю перед ним, ничего не комментируя. Максим опять пытается счастья, но сценарий повторяется. Я хочу ему сказать, что надо сначала найти равновесие, а потом уж пробовать ехать, но ничего не говорю, и Максим в третий раз ставит ногу на деревянную доску, которая лучше катится без него.

— Моя мама ненавидит всё с колесами, — говорит он наконец. — У меня был велосипед, когда я был маленький, но я упал, и она его продала. С тех пор у меня гитара.

— ...

— С гитары я еще не падал, — добавляет он, пристально глядя на меня.

Я нахожу его забавным, но все равно как каменная. Мне нужно время, чтобы начать смеяться или плакать перед людьми, которых я не знаю.

Он пробует четвертый раз. Дрожит всем телом, но скейт остается на месте. Он спускает левую ногу на землю и тихонько отталкивается. И едет. Я иду следом на небольшом расстоянии. Доехав до того дерева, до которого скейт сначала трижды докатился сам по себе, он спускается с доски и поворачивается ко мне с улыбкой, такой широкой, что я застываю на месте. Что-то подпрыгивает у меня в груди. Я счастлива, что он счастлив, но нет таких слов, которыми можно было бы это выразить.

Я забыла. Думала только о своем дне рождения и совсем забыла, что сегодня суббота и Эрнест не работает. Я пришла в парк с этим мальчиком, который мне нужен как собаке пятая нога, и вдруг на душе становится очень пусто. Песни нет. Нет ритма, нет радости, нет смысла.

Придется опять бродить по магазинам и делать вид, будто рассматриваю вещи, на которые мне плевать, с единственной целью услышать хоть одну ноту музыки. Все это меня злит, я зла на целый свет, особенно на Марселя, который тратит все деньги на товары по акциям и не может купить простое радио. Я пинаю камешки, попадающиеся мне на дороге, пинаю лист, пинаю конфетный фантик, пинаю траву, пинаю пустоту. Максим наверняка не понимает этой перемены настроения, но ничего не говорит. Просто идет за девочкой, которую скорее всего находит чудной. Идет следом, почти физически ощущая странное противоречие: ему хочется и одновременно совсем не хочется оказаться сейчас в другом месте.

— Ненавижу выходные на каникулах. Они бесполезные. Как кепка под зонтом или зажженная днем лампа.

Максим вдруг начинает говорить очень быстро. Я понимаю, что он понимает не все, но немножко все-таки понимает. Он умеет распознавать разочарование, потому что сотни раз испытывал его сам, после фраз, произнесенных его мамой. «Нет, ты не пойдешь играть

к Венсану», «Насчет велосипеда посмотрим на будущий год», «Ты не поверишь, но в команде регби не осталось свободных мест». Он всегда собирался что-то сделать, но кончалось тем, что не делал ничего, потому что мама каждый раз ударялась в панику и отменяла все планы в последнюю минуту. Он ненавидел последние минуты.

Так что на эту неделю каникул у тети он даже не надеялся. Неделя на расстоянии, неделя свободы, неделя, в которую он будет что-то делать, а не собираться что-то сделать. Неделя, которая стала возможна благодаря множеству «Брось, Шанталь...» его отца, и трудно сказать, что там бросила Шанталь, но Максим был здесь, один, в двухстах семидесяти километрах от дома, впервые в жизни.

— Идем смотреть на поезда?

Теперь я отвлекаю Максима от его мыслей. Это даже не вопрос, и Максим просто идет за мной, ускоряя шаг. В трехстах метрах от парка есть мостик над железнодорожными путями. Ржавые перила вставлены в бетон, но между ними и мостом достаточно места, чтобы просунуть ноги. Я смотрю на свои старенькие красно-синие часы:

— Через минуту появится парижский поезд. Ты должен задержать дыхание на все время, пока он будет проходить, от первого вагона до последнего. Иначе умрешь. Понял?

— Э-э, ладно.

— Уже идет... Ты готов?

Он даже ответить боится, только энергично кивает головой. Поезд идет, и я вижу, что Максиму уже не хватает воздуха. Вагоны проносятся под нами, и когда последний выезжает из-под моста, мы переводим дыхание, как будто вынырнули из морской глубины.

— В девять сорок семь всегда длинный!

Я смотрю на него, не мигая, и добавляю:

— Неплохо для первого раза. Ты откуда?

— Из Нанта.

— А кто твои родители?

— Папа инженер. Он строит плотины. Мама работает в страховой компании. Но чаще всего она беспокоится.

— У тебя есть братья или сестры?

— Брат. Младший.

— Почему я тебя раньше никогда не видела?

Максим пожимает плечами, и я хмрю брови.

— Обычно тетя приезжает к нам. Мама не любит, чтобы мы все находились в одном... э-э... средстве передвижения.

Мои брови медленно расхмуриваются. Я вспоминаю «ситроен» Марселя, серые велюровые сиденья, которые так по-особому пахнут, смесью прошлого и настоящего, пыли и летней жары. Мне разрешается сесть впереди, но только при условии, что пристегну ремень, потому что для пассажиров передних сидений это давно обязательно.

День пролетает с быстротой молнии, и когда я в следующий раз смотрю на часы, уже пора домой.

— Мне надо идти. Марсель меня ждет.

Я встаю, и Максим идет за мной. На лестнице, там, где наши пути расходятся, я гляжу на него лишнюю секунду. Эту лишнюю секунду я всегда буду на него глядеть, даже когда мы вырастем.

— До завтра?

— До завтра.

* * *

— Марсель?

Квартира погружена в темноту. Ни звука. Обычно Марсель всегда дома, когда я прихожу. Он никогда не опаздывает, потому что любит ужинать пораньше.

— Ма-а-арсель?

Желудок сжимается в спазме, я останавливаюсь, пытаюсь вспомнить, какое слово он произнес последним сегодня утром, когда я выходила из квартиры, и вспоминаю, что слов-то не было. Я ушла, когда он еще не встал.

— Марсель, ты здесь?

Я иду в кухню, толкаю дверь, а там на столе горит маленький огонек и освещает Марсея. Мне требуется несколько секунд, чтобы понять, что это тарталетка с клубникой, в которую кучно воткнуты восемь свечек.

— Хе-хе! Ты же не думала, в самом деле, что я забуду?

Марсель чмокает меня в лоб и начинает весело напевать «С днем рождения тебя». Он разрезает крошечную тарталетку на две части, равные, но не совсем, потому

что у нас равенство всегда было в мою пользу. Потом он берет с полки сверток и протягивает его мне. Я стою, затаив дыхание. Уже несколько месяцев я разбрасываю рекламки радиоприемников по всей квартире. Думаю, что уж в этот раз промашки быть не может. Сердце бьется все быстрее. Но останавливается как вкопанное, когда я понимаю: это не то, на что я надеялась. В этой картонной коробке не радиоприемник, а пупс. Пупс за 99 франков вместо 149.

Я ложусь в постель и смотрю на потолок своей комнаты, на который сама наклеила три флуоресцентных звезды. Каждый вечер мои мечты повисают на их пластмассовых концах. Частенько какая-нибудь звезда отклеивается и шмякается на пол.

Я вспоминаю свой день, знакомство с Максимом. Мне бы тоже хотелось, чтобы кто-нибудь где-нибудь за меня беспокоился. Есть, конечно, Марсель. Но, по правде сказать, больше я беспокоюсь о нем, чем он обо мне. Мне 8 лет, но я уже понимаю: если с ним что-то случится до моего совершеннолетия, меня поместят в приют или в приемную семью. Я это знаю, поскольку не уверена, что Жонатан, мой кузен из Сент-Этьена, о котором Марсель иногда говорит, существует на самом деле. Однажды он назвал его Жереми.

Каждое утро, уходя в школу, я записываю в маленький блокнот последнее слово, которое услышала от Марселя, прежде чем захлопнуть дверь. Хочу его запомнить. На всякий случай. Но главное — я уверена, что жизнь не может забрать у меня дедушку в день, когда его последними словами будут «туалет» или «земельный налог».

* * *

Назавтра Максим ждет меня внизу лестницы. При виде меня он встает и протягивает мне кусочек шоколадного торта, завернутый в фольгу.

— Держи.

— Спасибо.

Я расправляюсь с тортом в два укуса и без единого слова. Мы идем той же дорогой, что вчера, и этот второй раз будто уже намечает перспективу привычки. Максим следом за мной проходит через металлические ворота парка, стоит рядом, когда я пытаюсь обхватить ствол дерева. Но сам этого не делает. Наверно, потому что у него нет необходимости измерять время, через которое он сможет сбежать отсюда.

Я сажусь на свою скамейку и жду. Чувствую, как его взгляд жжет мне затылок, когда я поворачиваю голову в поисках Эрнеста.

— Вчера у меня был день рождения. Мне подарили пупса...

Он хочет что-то ответить, но в это время подходит садовник, я вскакиваю и бегу ему навстречу. Через несколько минут начинается концерт Эрнеста, и все вокруг перестает существовать. Я забываю обо всем. Но знаю, что именно с этого момента начнутся воспоминания Максима.

* * *

Остальные дни проходят по тому же сценарию. Максим ждет меня на лестнице, и мы идем известным маршрутом. В последний вечер, сообщив, что уезжает завтра рано утром, он протягивает мне что-то, завернутое в страницы журнала Star Club.

— Тебе на день рождения, — добавляет он.

Несколько секунд я гляжу на этого мальчика, думая, что больше никогда его не увижу, а потом беру сверток. Я не сразу понимаю, что там, среди вырванных из журнала страниц с фотографиями актрис в купальниках и завлекательными заголовками, лежит самый лучший подарок, какой только можно мне сделать: плеер.

— Мне его подарили на Рождество. Думаю, тебе он пригодится больше, чем мне.

Мне трудно говорить, я просто нажимаю на кнопку, и черная коробочка со щелчком открывается.

— Это чтобы слушать музыку. Я вставил туда кассету. Записал мои любимые песни, которые передают по радио.

— Ты знаешь Билли Притти?

— Билли Притти? Нет...

— А...

— Но я спрошу маму, если хочешь. И если найду кассету, отправлю ее тебе.

— Спасибо.

Максим уже толкает дверь тетиной квартиры, как вдруг оборачивается и говорит:

— По-моему, ты очень хорошо поешь.

* * *

Наутро, едва проснувшись, я приникаю ухом к полу, чтобы послушать, как он готовится к отъезду. Когда хлопает входная дверь и наступает тишина, бегу к окну и смотрю ему вслед. Он переходит улицу с большой спортивной сумкой на плече, рядом по асфальту цокает высоченными каблуками блондинка. Когда говорит, она размахивает руками, и золотые браслеты поблескивают в утреннем тумане. Перед тем как сесть в машину, Максим останавливается и поворачивает голову в мою сторону. Он смотрит на меня несколько секунд, и я быстро машу рукой из окна, подавая ему знак. Он не успевает ответить, мама велит ему не стоять посреди дороги.

Машина скрывается за углом. Я надеваю мягкие наушники и нажимаю кнопку с маленьким треугольником. Начинается музыка. И моя жизнь тоже.

Глава 3

2000

Этой недели в середине лета я жду уже который месяц. Если честно, с 1 января, когда три нуля выстроились за двойкой и всем пришлось признать, что машины по-прежнему не летают, а компьютеры досчитали до 2000 и не взорвались. Я же смогла наконец сказать: «В этом году приедет Максим», и у вечности вдруг появился привкус завтрашнего дня.

Все это время Максим посылает мне письма на адрес своей тети. Иногда, когда я спускаюсь по лестнице, она останавливает меня, чтобы сообщить о письме. Я не решаюсь просить денег у Марсея и отдаю ей свои ответы в конвертах без марки. Она ничего на это не говорит.

В одном письме я задала ему вопрос, который вертится у меня на языке уже который месяц: не искал ли он Билли Притти? Он ответил: «Я спросил маму, она говорит, что никогда о ней не слышала».

В апреле Максим написал мне, что приедет к тете летом, вот наступил август, и Максим здесь, сидит на той же ступеньке. Он протягивает мне аудиокассету, и я не решаюсь ему сказать, что не смогла купить себе ни одной, с тех пор как мы виделись в последний раз.

Лето продолжается с того места, на котором закончилось год назад. Мне кажется, что жизнь Максима ушла вперед, тогда как у меня ничего не изменилось. Я по-прежнему живу с бабушкой, по-прежнему сопровождаю его на открытие магазинов и по-прежнему молю звезды, засыпая. Помню, как подумала об этом, когда увидела его выходящим из машины в день приезда. Кто-то уезжает, а кто-то остается. Хотя оба проходят через расставание, переживается они ими по-разному.

Когда Максим встает на мой скейт, я обращаю внимание на его прогресс.

— Мама так и не разрешила мне купить свой. Но я иногда по дороге из школы захожу в спортивный магазин.

Он катится, а я слушаю свою новую кассету. Вдруг я останавливаюсь, вытаращив глаза и открыв рот.

— Что? Что с тобой?

— Песня. Эта песня. Послушай.

Я снимаю наушники и надеваю ему на голову. Максим не отрываясь смотрит на меня.

— Да, и что?

— Это Билли Притти.

— Нет, нет. Это Уитни Хьюстон.

Я молчу. Он еще секунду смотрит на меня и отводит взгляд. Я знаю, что он увидел. Он увидел девочку, чей мир рухнул, но у него достаточно деликатности, чтобы сделать вид, будто ничего не случилось. Будто в этой секунде нет ничего особенного, а ведь она изменила мою жизнь.

В этот самый момент я вспоминаю потолок своей комнаты, светящиеся звезды, на которые смотрю из года в год. И не раздумывая говорю:

— Переночуем сегодня в парке?

— Как это?

— Как будто пойдем в поход.

Он опускает ногу на землю, и скейт останавливается. Он не просит никаких объяснений, просто отвечает:

— Лады.

* * *

На высоком ореховом буфете в кухне лежит красная папка. Ее не убрали в шкаф, не сунули в ящик комода. Не положили на полку. Она просто лежит здесь, под слоем спящей пыли.

Я хотела достать залетевший на буфет попрыгунчик и увидела ее.